

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.9>

Афанасьев Олег Игоревич

Содержательно-поэтическое своеобразие рассказа И. С. Хугаева "Предание о Хуга"

Статья посвящена комплексному филологическому анализу рассказа современного осетинского писателя Ирлана Хугаева "Предание о Хуга". В результате проведенного исследования установлено, что прозаик в рассказе пересматривает традиционную точку зрения относительно характерных черт горца, к которым обычно относят бесстрашие, удаль, ловкость, пренебрежение опасностью, и изображает простого, со всеми его слабостями и недостатками, ценящего народную культуру, народные обычаи и обретающего счастье в повседневной работе сельского труженика. В статье впервые детально исследуются все элементы текста, значимые для его интерпретации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/3/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 3. С. 40-46. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Адильгереева З. С. Художественное своеобразие поэзии Джаминат Керимовой: к проблеме гендерной поэтики: автореф. дисс. ... к. филол. н. Майкоп, 2019. 22 с.
2. Алхлавова И. Х. Проблема взаимоотношений человека и природы как один из основных мотивов лирики Джаминат Керимовой // Мир науки, культуры и образования. 2018. № 2. С. 445-447.
3. Афанасьев А. Н. Мифология Древней Руси. Поэтические воззрения славян на природу. М.: Эксмо, 2006. 608 с.
4. Богач Д. А. Проблемы понимания образа природы в литературоведческой науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 6 (402). Филологические науки. Вып. 106. С. 22-29.
5. Керимова Дж. А. Избранное (Сайламлы асарлары). Махачкала: Даг. книж. изд-во, 2008. 528 с.
6. Керимова Дж. А. Одинокая скала (Айры яр): стихи. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1984. 63 с.
7. Керимова Дж. А. Пятидесятая весна: стихи и поэмы. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 1999. 188 с.
8. Керимова Дж. А. Утро в Тарках (Таргъуну тангы): стихи и поэмы. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1986. 102 с.
9. Лиджиев М. А. Пейзажная лирика в поэзии Б. Сангаджиевой // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 1 (29). С. 44-51.
10. Мамаева С. М. Затосковала по тебе: стихи. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995. 128 с.
11. Пюреев В. Д. Чистый родник поэзии (лирика Б. Б. Сангаджиевой). Элиста: Джангар, 2010. 208 с.
12. Сохряков Ю. И. Природа и человек: по страницам современной литературы. М.: Знание, 1990. 64 с.
13. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2000. 398 с.
14. Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник вселенной: система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 303 с.

Images of Nature in Dzhaminat Kerimova's Creative Work

Alkhlavova Inna Khumkerkhanovna, Ph. D. in Philology
G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of Dagestan Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala
inna.atavova@bk.ru

The article aims to identify specificity of nature images in D. Kerimova's lyrical works. Artistic originality of the poetical texts is emphasized, their comparative-contrastive analysis is conducted. The paper focuses on analysing the poems' figurative system and poetics. Scientific originality of the study lies in the fact that the researcher for the first time examines the poetess's landscape lyrics. The conclusion is made that the analysis of the poetical works allows identifying the author's attitude towards nature and human life. D. Kerimova's landscape descriptions are characterized by laconism, diversity of motives and introduction of philosophical problematics.

Key words and phrases: Dzhaminat Kerimova; Dagestan literature; artistic figurativeness; landscape lyrics; nature images; parallelism; personification.

УДК 821.221.18

Дата поступления рукописи: 14.02.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.9>

Статья посвящена комплексному филологическому анализу рассказа современного осетинского писателя Ирлана Хугаева «Предание о Хуга». В результате проведенного исследования установлено, что прозаик в рассказе пересматривает традиционную точку зрения относительно характерных черт горца, к которым обычно относят бесстрашие, удаля, ловкость, пренебрежение опасностью, и изображает простого, со всеми его слабостями и недостатками, ценящего народную культуру, народные обычаи и обретающего счастье в повседневной работе сельского труженика. В статье впервые детально исследуются все элементы текста, значимые для его интерпретации.

Ключевые слова и фразы: сюжет; жанр; стиль; фикциональность; постмодернизм; нарратор; когезия; структура повествования; И. С. Хугаев; осетинская литература.

Афанасьев Олег Игоревич, к. филол. н.
Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ
yasha64@bk.ru

Содержательно-поэтическое своеобразие рассказа И. С. Хугаева «Предание о Хуга»

Ирлан Сергеевич Хугаев, органически сочетающий в своем творчестве мастерство литературоведа-исследователя и писателя, является самобытным представителем современной осетинской русскоязычной прозы.

В своем художественном наследии он поднимает хорошо ему известные, а зачастую им самим пережитые животрепещущие проблемы социального характера, нередко находящие своеобразное философское преломление.

Актуальность нашей статьи обусловлена тем, что в ней подвергается филологическому анализу наиболее значимое в творческом наследии И. С. Хугаева произведение – рассказ «Предание о Хуга», в котором автор в нарушение существующей традиции изображает типичного представителя осетинской народной жизни без какой-либо романтизации и героизации, не наделяя его уникальными способностями. Вместе с тем герой добр, находчив, наделен широкой душой и живым умом, свято чтит обычаи предков, относится с уважением к старшим, тем самым манифестируя традиционные осетинские ценности, которые под давлением современной глобализации подвергаются серьезному испытанию на прочность.

Актуальность исследования подкрепляется также отчетливо проявляющимся в рассказе мастерством автора, выражающимся в богатстве языка, красочности тропов, оригинальности структуры повествования, разнообразии аллюзий, преобразовании традиционного жанра. Однако рассказ еще не подвергался исследованию в научной литературе.

Научная новизна работы заключается в комплексном филологическом исследовании рассказа – в интерпретации его содержания, в раскрытии жанровых особенностей, оригинальности структуры повествования, характеристике многократных повторов, способов создания комичных ситуаций и иронии, трактовке символических образов, в мастерстве использования аллюзий.

В статье доказывается, что главный герой рассказа в сравнении с другими героями осетинской литературы не отличается никакими исключительными качествами, но обретает счастье в повседневной жизни, в воспитании многодетного семейства, в следовании традиционным горским ценностям.

Цель статьи состоит в раскрытии мастерства автора в изображении традиционной горской жизни. Поставленной целью было обусловлено решение следующих **задач**: выявить постмодернистские особенности рассказа, своеобразие использования в нем иронии; исследовать взаимодействие жанров и назначение жанровой игры; раскрыть интертекстуальные связи и межтекстовое взаимодействие; изучить приемы создания комизма, а также роль фольклорной традиции в характеристике героя; исследовать назначение метатекстовых включений.

В качестве основных **методов исследования** выступили следующие: метод целостного анализа литературного произведения; герменевтический, ориентированный на постижение авторской концепции и истолкование смысла изучаемого произведения; системно-структурный, направленный на исследование формы рассказа с учетом его межтекстовых связей.

Практическая значимость статьи обусловлена возможностью использования полученных в ней результатов в процессе изучения осетинской литературы в школе, а также при составлении учебных пособий по курсу современной литературы народов России в вузе.

В жанровом отношении среди произведений писателя преобладают рассказы и лирические миниатюры, весьма разнообразные по содержанию, отличающиеся незатейливостью сюжета, а зачастую его не имеющие, что, впрочем, не снижает читательского интереса к ним за счет увлекательности повествования. И в этом смысле творчество Ирлана Хугаева обнаруживает типологическое сходство с произведениями Гайто Газданова и Пруста.

При этом автор избегает каких-либо морализаторских сентенций, предлагая читателю самому домыслить, что послужило причиной для создания того или иного произведения. Некоторые рассказы писателя (например, «Изгой») написаны в русле так называемой интеллектуальной прозы.

В целом литературное наследие Ирлана Хугаева почти совершенно не изучено. Правда, фрагментарный обзор его творчества содержится в статье М. О. Саввиных, однако перенасыщенная неоправданными метафорами и весьма спорными аналогиями, она не может считаться серьезным литературным анализом [8].

Рамки настоящего исследования не позволяют провести исчерпывающий разбор всех произведений писателя, поэтому остановимся на наиболее удачном, на наш взгляд, его художественном творении – рассказе «Предание о Хуга».

Рассказ от начала до конца пронизан тонкой иронией с определенной примесью постмодернизма. В нем наиболее выпукло проявились главные особенности стиля Ирлана Хугаева: лексическое разнообразие, взаимодействие оригинально образованных тропов, определяющих характерные черты структуры повествования; жанровая игра, в которую вовлекается читатель; превалирование содержательно-концептуальной информации над содержательно-фактуальной; иносказательность, совмещение разновременных планов.

Постмодернистские особенности в анализируемом рассказе отчетливо обнаруживаются в использовании элементов прошлых стилей с нарочитым ироническим эффектом. Автор иронизирует над некоторыми компонентами национальной культуры, для которых характерны традиционность и устойчивость.

Тематически рассказ «Предание о Хуга» перекликается с рассказом Коста Хетагурова «Охота за турами». Однако в жанровом отношении, культурно-содержательном и оценочном смысле рассказ Хугаева резко контрастирует с шедевром Коста.

Поскольку во всяком художественном тексте первым знаком является заглавие, активизирующее восприятие читателя и направляющее его внимание к тому, что будет изложено далее [6, с. 168], начнем анализ именно с заглавия.

Заглавие в упомянутом выше рассказе Коста концентрированно передает главную тему произведения, указывает на траекторию его наиболее существенной доминанты. Наоборот, в рассказе Хугаева заглавие не оправдывает жанровых ожиданий читателя.

Как известно, под преданием понимается «переходящий от поколения к поколению рассказ о былом, легенда» [7, с. 469]. Предание представляет собой один из жанров фольклора, обычно в нем содержатся сведения

об исторических событиях, исторических лицах, местностях. Ничего подобного в «Предании о Хуга» нет, оно от начала до конца фикционально, а речь в нем идет не об историческом деятеле, а о созданном воображением писателя не совсем удачливом женихе и охотнике, но очень добром человеке. На фикциональность и недостоверность рассказа указывает и его подзаголовок («Фамильный апокриф»). Апокриф же, как известно, есть «произведение на библейскую тему, признаваемое недостоверным и отвергаемое церковью» [Там же, с. 34].

Так, рассказчик утверждает, что осетинский писатель Дзахо Гагуев был растерзан дикими собаками, а в сноске автор указывает, что он был расстрелян в 1938 году, что также свидетельствует о недостоверности события, описываемого в предании.

Таким образом, автор намеренно, в соответствии с требованиями постмодернизма, использует библейский термин с целью достижения иронии. Закодировав фикциональность своего рассказа в фольклорную и библейскую терминологию, автор словами нарратора иронически заявляет о том, что в рассказе (читай: предании) нет ничего, «кроме фарна и правды».

Причём необычайно широкая семантика употребленного в тексте осетинского слова «фарн» сведена к понятию благодати, заключающейся в том, что немолодой жених добился руки возлюбленной и у них было много детей.

Как известно, жанры представляют собой «исторически сложившиеся типы художественных произведений» [2, с. 384].

Автор же анализируемого здесь произведения как бы вступает с читателем в игру, не оправдывая его жанровые ожидания, преобразуя исходную форму в целях активизации восприятия адресата текста.

В своё время Ю. Н. Тынянов справедливо заметил: «Борьба за жанр является в сущности борьбой за направление поэтического слова, за его установку» [9, с. 252]. Применительно к анализируемому здесь рассказу следует подчеркнуть стремление автора преобразовать и художественно модифицировать жанр-«прототип». Конечно, И. С. Хугаев учитывает жанровый прототип предания и воспроизводит его наиболее важные особенности (повествование от третьего лица; действие отнесено к прошлому; нарратор не является очевидцем рассказываемого; сюжет построен на одном эпизоде; имеет место локальная топонимика). Но, с другой стороны, автор намеренно трансформирует возможности предания, в соответствии со своими эстетическими интенциями отклоняется от существующего стандарта.

При этом отклонения от канона в анализируемом произведении наиболее ярко обнаруживаются в формировании содержательно-тематической стороны текста. В каноническом предании сюжет связан с историей, историческими личностями. В «Предании о Хуга» нет речи об исторической личности. Действующими лицами предания являются правители, цари, разбойники, мифопоэтические герои (воинственные противники, великаны, мифологизированные аборигены, первопоселенцы и др. неординарные личности).

Однако автор осознанно не героизирует главный образ своего «Предания», даже тогда, когда это можно было бы сделать, как в случае с переселением Хуга из центральной Осетии в южную: «В том замане он (Хуга) жил в Кударгоме, в самом знаменитом ущелье Хуссара, а до того обитал в Бритате, что в Урстуалта, откуда он вовсе не бежал – ни от кровной мести, ни от закона. Почему-то в нашем народе такое бегство почитают за доблесть. Хуга ни от кого не бежал» [12, с. 26].

Уже в самом начале своего повествования автор исключает мысли о каких-либо героических или неких иных выдающихся чертах героя.

Если сравнить образ хугаевского охотника с образом Тедо из упомянутого выше знаменитого рассказа Коста Хетагурова, то мы увидим разительный контраст. Единственное, что их сближает, – это бедность, в остальном они противопоставлены.

Тедо у Коста – потомственный охотник – носитель лучших национальных черт осетинского народа, проявляющихся в смелости, твердости характера, ловкости, тонком расчете, пренебрежении опасностью, уважении к мнению старших. Тедо охотится, как и в прошлом его бесстрашный отец, на туров, которые обитают в труднодоступных для охотника местах. В подобной охоте вполне можно погибнуть, и это Тедо прекрасно понимает. Однако, когда он говорит отцу об опасности подниматься ночью по Мышиной тропе, то получает жесткую отповедь: «– Бабы! – упрекнул старик. – Для охотника за турами не должно существовать препятствия. Я по этой тропе подымался в туманную ночь, под ливнем. Положим, за тремя гротами чуть не поплатился жизнью – сорвался... но ничего, бог миловал» [10, с. 191]. После таких суровых слов старшего Тедо уже не мог ссылаться на предстоящую опасность. Подчеркивая унаследованные героем рассказа лучшие качества отца, Коста пишет: «Зураб – так звали старика – был когда-то замечательным охотником; но старость одолела его: он плохо стал видеть и уступил свое ружье сыну. Сын с честью заменил отца и считался лучшим охотником в ауле» [Там же, с. 192].

Главный герой рассказа Хугаева – тоже потомственный охотник: «Хуга был охотник. Гулар, отец его, был охотник. Безымянный отец отца его был охотник» [12, с. 27].

Однако если хетагуровский герой унаследовал лучшие национальные черты своего отца, то характеристика отцу и деду Хуга как охотникам отсутствует, поэтому о каком-либо наследовании говорить здесь не приходится. И это не случайно, ибо перед автором «Предания о Хуга» стояла совершенно иная задача – показать не отважного горца, наделенного романтическими чертами, а просто доброго, самого обыкновенного человека.

Несколько ироничное отношение к своему герою автор выражает также при помощи синтаксического повтора «Хуга был охотник». В этом небольшом по объему рассказе указанная конструкция повторяется 11 раз.

Конечно, в любом тексте наличествуют повторы, служащие его когезии и определяющие его целостность, проявляющуюся в семантической неаддитивности [4].

В процессе многократных повторов указанное выше высказывание получает добавочные смыслы, семантически трансформируется.

Если в самом начале рассказа оно не несет каких-либо добавочных значений или ассоциаций, то в последующих употреблениях обретает иронический оттенок. Так, называя своего героя охотником, как уже было указано выше, рассказчик подчеркивает, что он охотился на оленя и вепря и не охотился на барса и волка, поскольку они его остерегались. Как известно, барс обитает высоко в горах, труднодоступных местах, это сильный и опасный зверь, в то время как кабан предпочитает не карабкаться, подобно туру, по отвесным скалам, а обрывается в низинах. Поэтому и охотиться на него намного легче и безопаснее, чем на барса или тура. И в этом смысле Хуга в сравнении с хетагуровским Тедо – охотник совершенно другого рода. Он не отличается той ловкостью, храбростью, силой, быстротой принятия решения, меткостью выстрела, что характерно для Тедо.

Комична ситуация, когда неудачливый охотник, шедший по следу зверя, оказывается перед ним и вспоминает о незаряженном ружье: «Боги отняли у меня разум, – подумал Хуга, – моя кремнёвка в чехле и не заряжена» [12, с. 29]. После сцены с кабаном Хуга наконец понял, что он «был не тот охотник, каким себя мнил» [Там же, с. 30].

Таким образом, повтор высказывания «Хуга был охотник» связан с движением от прямого значения к актуализации ироничной коннотации и переводу характеристики Хуга в иной сущностный аспект. Наиважнейшее значение имеет последний повтор, развенчивающий всякие иллюзии об отважном охотнике Хуга.

Под стать охотнику и его полудохлый конь, носящий высокопарную кличку «Паддчах» (царь, падишах). Его образ чрезвычайно важен для характеристики охотничьих качеств Хуга.

В образе Тедо К. Л. Хетагуров показал исключительные способности охотника, промысляющего в суровых условиях гор, в образе же Хуга мы видим обыкновенного, исключительными качествами не обладающего незадачливого охотника, умело скрывающего свою незадачливость. Вспомним его слова о том, почему он не охотился на барса.

Важное символическое значение в рассказе имеет сцена с кабаном. В народных мифах образ кабана (вепря) оценивается по-разному. В христианстве он толкуется резко отрицательно как дикое, свирепое животное, приносящее вред природе, так как подрывает корни деревьев [1, с. 374]. В других мифологиях (Скандинавия, страны Ближнего Востока) кабан может символизировать, с одной стороны, прожорливость, эгоизм, невежество, упрямство, агрессию, свирепость, а с другой – материнство, плодовитость, процветание, счастье [11]. Эту символическую амбивалентность образа кабана (вепря) автор и использует в своем рассказе.

Сначала кабан произвел на Хуга страшное впечатление: «Зверь был огромен и страшен и походил на зубра с клыками вместо рогов, и каждый из них был в локоть величиной. Он стоял в семи шагах, косматый, черный, как гора или туча, – и смотрел Хуга прямо в лоб» [12, с. 29]. Хуга готовился к бою, опершись на рукоять кинжала с незаряженной кремнёвкой, он думал: «Вот оно – игольное ушко моей судьбы. Уо дуне сканаг Хушау! Ды мын машы кан» [Там же, с. 30]. Однако кабан быстро избавил героя рассказа от стресса: «И тогда зверь издал звук, какой иногда издают все, даже самые большие и страшные свиньи. В нём были покой и умиротворение и будничная забота о вещах, его, Хуга, никак не касающихся.

Хуга понял, что это игольное ушко он миновал» [Там же]. И далее описываемая сцена достигает своего апогея: «Хуга был охотник. Ни один охотник не видел такого, что и увидел Хуга. Вепрь подошел к бурке, обнюхал, тычась в нее хищным горбатым рылом, потом встал на нее всеми четырьмя копытами, осел немного задом – и в бурку ударила желтая пенная струя.

Хуга был охотник, но вепрь не был добычей. Для последней капли он тряхнул волосатым с противными проплешинами животом, сошел с бурки, бросил в неё, не глядя, ком тяжелой красной глины широким, как заступ, копытом и не спеша ушел в терновник, глухо ударяя в землю ногами и шурша жухлой мокрой травой. Когда он скрылся из виду, Хуга ещё раз услышал тот же звук. “О штыр Хушау. Ды мын машы кан. Что это значит?...” И, запрокинув голову, Хуга захохотал во все горло» [Там же].

В приведенном отрывке важен поставленный главным героем вопрос «Что это значит?», ответ на который читатель получает в самом финале рассказа.

Вообще, в содеянном вепрем нет ничего необычного, наоборот, все вполне естественно. Животное почувствовало на своей территории чуждый запах, исходящий от бурки, и в соответствии с заложенным в нем инстинктом пометило бурку своим ароматическим выделением. Однако в художественном смысле это было знамение охотнику. Кабан не бросился на Хуга, а отнесся к нему вполне миролюбиво и пометил его бурку, что символизировало предстоящую плодовитость Хуга. Ведь Хуга женился на Дуду, и у них было много детей: «Он жил нелегко, но радостно. Бог дал его семени большое, честное и трудолюбивое потомство» [Там же, с. 31].

В отличие от Тедо, охотящегося на туров – смелых обитателей «вековых ледников и мрачных утесов», Хуга охотится на оленя и вепря, что иронически подчеркивает автор: «Хуга, говорю, был охотник. Он ходил на оленя и вепря. Барс и волк остерегались его, потому что Хуга пах порохом, потом и чем-то страшным еще» [Там же, с. 27]. Несомненная ирония здесь выражается в том, что не волк и барс остерегались Хуга, а Хуга остерегался волка и барса. Ирония достигается за счет использования так называемой несобственно-прямой речи, посредством которой нарратор передает слова самого Хуга.

Тедо отважен, бесстрашен и ловок; карабаясь по Мышиной тропе в гору, он может сорваться и погибнуть, однако смело идет вперед, увлекая за собой менее опытных молодых охотников. Вот как описывает Коста эту злополучную тропу: «Мышиная тропа была вообще опасна, а тем более для ночного путешествия. Она то змеей извивается в расщелинах скал, то крутыми ступенями подымается по отвесной стене, то ящерицей ползет в морщинах неприступного утеса, то легкой паутиной огибает бездонную пропасть, то совершенно исчезает в хаосе разрушенных скал и каменных осыпей.

Местами она так узка, что негде ногу поставить и приходится ползти на четвереньках. На каждом шагу смелого путешественника может приплюснуть сорвавшаяся глыба, каждую минуту он рискует полететь в такую бездну, где и ворон не найдет его костей» [10, с. 193]. И вот по этой отвесной тропе карабкается с кошачьей ловкостью бесстрашный Тедо, увлекая за собой наиболее смелых товарищей и оставляя перед ней еще не готовую штурмовать Мышиную тропу молодежь.

В совершенно других условиях охотится Хуга. Он не лезет по неприступной скале за турами, а спускается «в сырую туманную низину», идя по следу вепря. Охота Хуга больше напоминает путешествие, нежели опасное предприятие Тедо, закончившееся смертью героя.

Если Тедо и его спутники могли поесть только в том случае, если бы подстрелили тура, то Хуга не находится в подобной зависимости. В сумке у него и кукурузные чуреки, и овечий сыр с чесноком, и крепкий арак. В общем, все для хорошего горного отдыха. Более того, на своей охоте Хуга использует даже коня, который, правда, сдох от старости. Этот полудохлый старый конь также хорошо характеризует охотничьи качества героя.

Выше уже было подчеркнуто, что герой Хетагурова устремлен к труднодоступной опасной выси, герой же Хугаева прозаично пребывает в безопасной туманной низине и поет песню о бесстрашных охотниках:

Орайда! Идём мы в выси.
 Орайда! Орайда! Ори-да-да.
 На кряжах Афсати лысых
 Нас встретят его стада.
 Афсати, косою Афсати,
 Идем вереницей под твой подол,
 Добычи на высях хватит,
 На тропку сойдет козел.
 Шерсть козья красней железа.
 Орайда! Орайда! Ори-да-да.
 Гортань козла дай перерезать,
 Жир козий течёт года.
 Большие глаза мы вырвем,
 Из кожи к чувякам сошьём ремни.
 Афсати золотой, дай мир нам
 И теплых костров огни.
 Мы души потешим мясом.
 Афсати, счастливой охоты дай.
 Дзуар твой рогами украсим.
 Орайда! Орайда! Ори-да-дай [12, с. 28]!

Данная песня, введенная в контекст рассказа, выступает в качестве важного характерологического средства, служит созданию иронии по отношению к Хуга-охотнику, совершенно не стремящемуся к экстремальной охоте на туров на «ледяных утесах» и довольствующемуся безопасной охотой в низине.

Автор «Предания о Хуга» максимально «заземляет» своего героя, используя для этого даже мельчайшие натуралистические подробности: «Он закусил чуреком с острым овечьим сыром и чесноком, помочился у большого чёрного камня, лежащего на узкой звериной тропе, и прилёг отдохнуть» [Там же]. Тем самым автор показывает, что главным в человеке считает не его отвагу, не его профессионализм, а общечеловеческие моральные качества – доброту: «А я думаю, потому на нём благодать легла, что просто Хуга был добрый человек» [Там же, с. 31].

Предание как жанр транслирует важную информацию о предках, отражает особенности глубинных пластов культуры и истории народа, выражает его мировоззрение.

В анализируемом рассказе главный герой изображен именно в контексте традиционной осетинской культуры, в контексте традиционных осетинских верований и обычаев, которые он свято чтит. Хуга – типичный представитель своего народа. Он необычайно добр, любит свою родину, свой народ, верен своей религии: «Хуга любил свою землю, свой кау, своих старших, младших и сверстников, своих предков и всех ещё не рождённых своих потомков. Он молился Уастырджи и Афсати и в каждом дзуаре Хуссара оставлял часть добычи» [Там же, с. 27].

Характеризуя в целом жителей Кударского ущелья, к которым относится Хуга, рассказчик отмечает: «Ещё – говорит Бليون Макс в своих летописях – у кударцев было мало земли, – я же думаю, что много у них было сердца – им и грелись, когда на долгие полгода снег закрывал перевалы, и кударцы оставались одни, без большой Осетии» [Там же]. В данном случае использованием высказывания Макса Блиева рассказчик проводит параллель между ситуацией, изображаемой в рассказе, и суждением о ней современного исследователя, делая акцент на нравственных качествах характеризуемого народа.

Даже страстно полюбив дочь христианского священника Дуду, Хуга не отступает от своей веры, хотя священник ставит ему условие: «Будет Дуду твоей. Поклонись только Йесо Чрысти» [Там же]. Но поскольку ни дед, ни отец Хуга не были христианами, не хочет принимать христианскую веру и Хуга. Он не отступает от традиции и не молится Иисусу Христу.

И всё-таки под сильнейшим давлением своего чувства, ради того, чтобы священник согласился отдать за него свою дочь, Хуга вынужден был поклониться христианскому Богу, сказав Шота-сауджину: «Нет у меня

ничего, но все, что у меня есть, будет твоим. Ард харын, она будет со мною счастлива. Отдай за меня Дуду. Так и быть, поклонюсь я Йесо Чрысти» [Там же, с. 31]. Но напрасно ликовал старый и хитрый священник. Хуга «Йесо Чрысти молился только один раз в жизни...» [Там же]. И в этом смысле Хуга также является типичным представителем своего народа.

Как показал крупный деятель осетинской культуры, писатель и публицист Ахмед Цаликов, национальные традиционные верования осетин легко уживаются и с христианством, и с исламом. Однако в целом осетины последовательны в отношении своих традиционных верований. Вот как рассуждает герой романа Ахмеда Цаликова «Брат на брата»: «Мы ведь, осетины, и не мусульмане и не христиане, мы скорей уастырджисты или даже язычники, с культом заповедных роц, вековых деревьев, духов, которыми мы наполняем поля и леса, воды и горы, дома и пещеры. Наша молитва – чинок араки или чаша пива в одной руке, круглый пирог с сыром в другой. Да, это так! А то вдруг стали мусульманами и христианами! Не понимаю ни мусульманства, ни христианства!» [13, с. 319]. Именно в русле традиционных осетинских верований и пребывает герой Хугаева, не поддающийся на миссионерские уговоры отца своей возлюбленной.

Вообще, герой рассказа верен своим традиционным ценностям, что прослеживается от начала произведения до самого его конца.

Как известно, к сильным позициям художественного произведения относятся заглавия, эпиграфы, начало, конец. В заглавии анализируемого рассказа называется имя главного героя, которое является чисто осетинским и восходит к осетинскому *ху*, *хуы*, что означает «свинья, кабан, вепрь». Эпиграф рассказа также связан с традиционными осетинскими верованиями: «Афсати, счастливой охоты дай!» [12, с. 26]. Афсати в осетинской мифологии является владыкой благородных диких животных – оленей, туров, коз и др. [5, с. 136].

Своеобразна в анализируемом произведении структура повествования. Повествовательный голос принадлежит не автору, а субъекту речи, введенному автором, его деду – Заурбеку. Заурбек предстает в роли aukториального нарратора, находящегося вне мира повествования и имитирующего разговорную речь. Причем в самом начале произведения рассказчик выступает в роли персонального нарратора, вступая в диалог с автором, когда же он переходит к передаче предания, то из персонального он трансформируется в aukториального, предлагающего собеседнику личную интерпретацию рассказываемого события. Таким образом, в роли адресата речи в рассказе выступает автор, которому его дед рассказывает предание.

Учет фактора адресата в рассказе обнаруживается в наличии обращений к нему. Такие обращения имеют место в начале рассказа и в его финале: «Итак, дослушай меня до конца – а там суди, стоило ли слушать меня так долго» [12, с. 26]; «Ничего не скажешь: хорош твой ронг» [Там же, с. 31]. Использование подобных обращений придает лирическую экспрессию повествованию [3, с. 90], сближает прозаический текст рассказа с поэтическим.

Контакт рассказчика с адресатом поддерживается также за счет использования вопросительных и побудительных предложений: «Главное во всяком предании – рассказчик и слушатель: как ты думаешь?»; «Итак, дослушай меня до конца» [12, с. 26].

Особенностью нарративной структуры анализируемого рассказа является то, что обращения рассказчика к автору раскрывают перед читателем сам процесс создания текста, устанавливают исходные координаты повествования. Подобные метатекстовые включения обнажают соотношение «рассказчик, порождающий текст, – воспринимающий текст читатель». Причем в данном рассказе, как уже было указано выше, нарратором является дед автора, а сам автор фактически манифестирует читателя, ибо именно он является слушателем предания.

Особо следует сказать об авторских толкованиях слов в рассказе, служащих установлению контакта с читателем, ориентированным, прежде всего, на нормы русского литературного языка, хотя носителям соответствующего русского региолекта, не владеющим осетинским языком, многие из них вполне понятны. Указанные метатекстовые включения свидетельствуют о том, что автор ориентируется на характер знаний о мире и языке всех носителей русского литературного языка.

Использованные в рассказе осетинские слова и выражения служат передаче осетинского национального колорита, выражая значимые этнические понятия культуры. Их толкование подается в сносках. Среди них выделяются местные топонимы: Кударгом (Кударское ущелье Южной Осетии), Хуссар (юг, Южная Осетия), Бритат (местность в центральной Осетии), Урстуалта (историческая область центральной Осетии), Иристон (Осетия); обозначения осетинских сакральных понятий: Уастырджи (покровитель воинов и путников), Афсати (владыка благородных диких животных, покровитель охотников); Сырдон (герой осетинского Нартского эпоса), Хушау (Всевышний, Бог), дзуар (языческое святилище); Реком (древнее языческое святилище в Северной Осетии); обозначения осетинских бытовых понятий: ронг – крепкий нартский напиток, лула – курительная трубка, чубук, фандыр (осетинский музыкальный инструмент), пиран (чесалка для шерсти), мыссаг (клан, род, фамилия), ху, хуы (свинья, кабан, вепрь); имена осетинских деятелей культуры: Дзахо Гатуев (осетинский писатель), Макс Бليون (Макс Бलिएв – известный осетинский историк), Сека Гадиев – один из основоположников осетинской национальной литературы.

Примечательно, что и заимствованные слова, существующие в русском языке, также подаются в осетинской огласовке: Йесо Чрысти (Иисус Христос), Паддчач (падишах, царь). Употребление осетинских слов и выражений в составе русскоязычного текста рассказа в определенной мере дает возможность писателю передать особенности речи нарратора.

Повествуя о далеком прошлом своего предка, автор соответствующим образом стилизует свою художественную речь, используя архаичные слова и выражения. Так, труды современного историка Макса Блиева

рассказчик называет летописями, возраст младшего брата Хуга раскрывает в архаичном словосочетании «двадцать и девять лет», а самого Хуга – в словосочетании «тридцать и еще три года».

Архаизации повествования служат устаревшие конструкции именительного предикативного падежа (ср.: «Хуга был охотник»).

Используемые в рассказе образные средства играют существенную роль в создании его художественного мира. Их источником служит сама изображаемая действительность, а употребление мотивировано темой определенного фрагмента произведения. Так, делая акцент при описании горной природы на суровости ее климата, автор рисует следующую картину: «Ветер гнал с севера тяжёлые чёрные тучи и рвал их в клочья об острые скалы и так завывал, будто стая волков неслась по небу» [Там же, с. 29]. Эпитеты и сравнения в приведенном высказывании развивают ключевой мотив произведения: суровая природа резко контрастирует с добротой главного героя.

Итак, смысловой доминантой произведения является утверждение доброты в качестве важнейшей моральной составляющей личности и верности национальным традициям как наивысшей ценности.

В рассказе национальная эпическая традиция нашла своеобразное преломление в аспекте глубоко личного и постмодернистского. Писатель максимально «заземляет» своего героя, порой низводя традиционные горские символы до карнавальной пародии, что наглядно проявилось в сцене с ведром. Таким образом, постмодернистские приемы в рассказе служат созданию иронического эффекта. Выражению иронии по отношению к главному герою способствуют также используемые в тексте синтаксические повторы.

Намеренно изменяя жанровый канон, автор активизирует читательское восприятие. Коренным образом меняя отношение к традиционным горским ценностям, автор противопоставляет бесстрашию, ловкости, готовности пойти на риск доброту сердца, любовь к родной природе, земле, традиционным семейным ценностям, для чего активно использует межтекстовую переключку.

Весьма оригинален используемый автором прием положительного изображения народных, далеко не героических черт характера героя. Хуга хочет быть смелым, отважным и ловким, но он не обладает этими качествами, зато его положительно характеризуют доброта, крепкая любовь к девушке, уважение к старшим, к своим родственникам.

Образные средства рассказа, обращения рассказчика к автору передают неповторимую картину художественного видения автора.

Важным результатом настоящей статьи является то, что она задает хорошие перспективы для дальнейшего исследования художественного творчества Ирлана Хугаева, определения его места в современной осетинской русскоязычной литературе.

Список источников

1. **Библейская энциклопедия.** М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1990. 904 с.
2. **Жирмунский В. М.** Введение в литературоведение. М.: Либроком, 2009. 461 с.
3. **Ковтунова И. И.** Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 205 с.
4. **Лукин В. А.** Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа. М.: Ось, 1999. 192 с.
5. **Мифы народов мира:** энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 1. 671 с.
6. **Николина Н. А.** Филологический анализ текста. М.: Академия, 2003. 256 с.
7. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка. М.: Мир и образование, 2013. 736 с.
8. **Саввиных М. О.** De profundis Ирлана Хугаева: эгомистерия в оптике онтологической рефлексии [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/kreschatik/2012/3/de-profundis-irlana-hugaeva-egomisteriya-v-optike-ontologicheskoy-refleksii.html> (дата обращения: 10.02.2019).
9. **Тынянов Ю. Н.** Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 578 с.
10. **Хетагуров К. Л.** Охота за турами // Хетагуров К. Л. Избранное. Дзауджикау: Книжное изд-во СОАССР, 1953. С. 189-198.
11. **Холл Д.** Словарь сюжетов и символов в искусстве. М.: Кронпресс, 1996. 656 с.
12. **Хугаев И. С.** Предание о Хуга // Хугаев И. С. Вечный огонь: рассказы, повести, миниатюры. Владикавказ: Ир, 2018. С. 26-31.
13. **Цаликов А. Т.** Брат на брата // Цаликов А. Избранное. Владикавказ: Ир, 2002. С. 279-414.

Meaningful and Poetical Originality of the Story “The Legend of Khuga” by I. S. Khugaev

Afnas'ev Oleg Igorevich, Ph. D. in Philology
North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz
yasha64@bk.ru

The article provides a comprehensive philological analysis of the story “The Legend of Khuga” by the modern Ossetian writer Irlan Khugaev. The conducted research allows concluding that the writer reconsiders the established view of a mountaineer traditionally endowed with such features as fearlessness, boldness, dexterity, neglect of danger and describes an ordinary rural worker, with all his weaknesses and shortcomings, who appreciates folk culture, folk traditions and finds happiness in everyday work. For the first time the paper examines in detail all the text elements influencing its interpretation.

Key words and phrases: story; genre; style; fictional nature; post-modernism; narrator; cohesion; narration structure; I. S. Khugaev; Ossetian literature.